

Боргаф чувствовал невероятную уверенность в себе. Сила бурлила в нем, как рокочущий вулкан, который вот-вот должен взорваться и излить на окружающее пространство, гнев раскаленной породы. Он встал в стойку, сила бурлила в нем и вокруг него. Борг устремил свой устрашающий взгляд на своего противника, который смотря на уверенность своего спарринг-партнера, подрастерял свою.

— Вы готовы! — крикнул инструктор.

— Да! — сказал Борг и наклонил свое тело вперед, для резкого рывка.

Его противник неуверенно кивнул и сделал шаг назад.

Несколько часов спустя.

Узкая винтовая лестница ведущая в подвал, была погружена в крошечную темноту. Во мраке, раздавались шаркающие, даже можно сказать немощные шаги. Звук отражающийся от каменных стен, затухал в темноте безвозвратно.

Старик, как всегда, сидел за столом, на котором была шахматная доска. Он покусывал губы, ища наилучший выход из сложившейся ситуации, на «игровом поле». Когда до него стали доноситься сначала шаги, а потом и тяжелое надсадное дыхание, он повернул голову и с интересом стал наблюдать за входом, через который должен был появиться редкий посетитель, в его обители одиночества и полумрака.

В проеме показалась сгорбленная и тяжело дышащая фигура, державшая себя за ребра. Фигура остановилась в темном проеме и не решалась войти.

— Проходи, не стесняйся, — сказал каркающим голосом старик, указывая на свободный стул.

Боргаф сделал несколько шагов вперед и свет от факела осветил его фигуру. Хотя тело пребывало в пучке света, его душа и эго, находились все еще в темноте поражения и унижения. С опущенной головой, придерживая ребра, он с кряхтением и айканьем уселся за стол.

— Благодарю. — абсолютно разбитым голосом, сказал он.

Мальчик был сгорблен, голова опущена вниз. Весь его вид выдавал в нем крайнюю степень отчаяния и самобичевания.

На помещение опустилась тишина, нарушаемая, только потрескиванием факела и надсадным хриплым дыханием Борга.

— Не расскажешь, что произошло? — решил старик прервать затянувшееся молчание.

Борг тяжело вздохнул, продолжая смотреть в пол.

— Я проиграл, — ели слышно ответил он.

— А можно подробнее. — сказал мягко, но, все же настойчиво старик.

— Я. я. я вообще ничего не смог сделать, — сквозь зубы начал Борг, проглотив комок стоящий в горле. — НИЧЕГО! — он хлопнул ладонью по столу, и шахматные фигурки посыпались с доски.

Боргаф не понимал, почему горечь поражения сейчас его жгла так, как никогда прежде. Она просто разъедала его грудь изнутри и пыталась прорваться наружу, громкими рыданиями обиды и унижения, которые он с трудом сдерживал.

Он не понимал, почему так остро реагировал на проигрыш. Но, на это было несколько причин, осознавал он их или нет. Первое, это то, что с самого детства, он был хрупким и болезненным ребенком. Боргаф очень редко появлялся в компании своих сверстников, которые бегали, кувыркались, прыгали и играли. Он не мог поспевать за ними, из-за этого чувствовал себя оторванным от общества сверстников. Как бы он не отнекивался от физической силы, но, подсознательно отчаянно ее желал. Вторая причина, крылась в том, что он не привык проигрывать и чувствовать поражения. Все его поприща сражений, такие как олимпиады по математике или физике, были безраздельно разбиты его интеллектом в пух и прах. То же самое было в университете. Очень немногие могли вступить с ним в интеллектуальную дуэль и выйти сухими из воды его доводов и эрудиции. Когда он увидел восхищенные взгляды инструкторов в кадетском корпусе, то подумал, что и на этом поприще ему не будет равных. Но, реальность повозюкала его лицом об твердый пол ринга и скинула с горы ожиданий и мечтаний, которые он воздвиг.

— Я вообще не понимал откуда и как он нанесет удар. — продолжал горько Борг. — Удары сыпались один за другим, а я ничего не мог поделать. Я в совершенстве овладел всеми ударами и приемами, но, — он сделал паузу и проглотил очередной комок подступивший к горлу, — от них не было никакого толка.

Борг поднял лицо, и старик увидел зашитую бровь и скулу, которые ему рассек противник, мстящий за свой первоначальный испуг.

Старик по-доброму улыбнулся и негромко засмеялся.

Боргаф опять опустил голову.

— «Теперь и старик смеётся надо мной!» — уныние накрыло с новой силой.

Он помнил разочарованный взгляд инструктора и тихие смешки сокурсников, перед тем как потерять сознание от сильного удара по голове. И смех старика, как последней надежды, стал вишенкой на торте собственного бессилия.

Придя в себя в уже родном лазарете, первая мысль посетившая Борга.

— «Я для этого не создан!»

Вторая мысль, пришедшая в его голову.

— «А может быть, тот старик мне поможет?»

Он не знал почему, но что-то ему подсказывало, взять себя в руки и сжимая зубы от боли в треснувших ребрах, идти в этот темный и неприглядный подвал.

— «Наверное это было самообманом.» — подумал Боргаф, после смешка старика.

— Не расстраивайся мальчик, — начал старик, смотря на опущенную голову. — я смеюсь не над тобой, а от того, что горечь поражения и бессилия мне до боли знакомы.

Борг поднял голову.

Старик стал расставлять фигуры по шахматной доске.

— Много лет назад, я столкнулся с той же проблемой что и ты, — старик улыбнулся, видя отражение самого себя шестидесятилетней давности, в этом потерянном мальчике.

— У меня была прекрасная восприимчивость. Инструктора чуть ли не молились на меня. А когда пришло время спаррингов, я был побит, могу тебя заверить, намного сильнее чем ты. И не один раз. Я каждый раз входил на ринг с решимостью в сердце и каждый раз выходил с него, с горечью в душе. Меня собирались уже отчислять, как профнепригодного. Но! — он сжал руку в кулак, в его глазах загорелся огонь бывшего удальца. — В конечном итоге, я занял первое место, на выпускном экзамене и никто больше не смел называть меня пустышкой.

— Как вам это удалось?! — в сердце Борга затопленного темнотой, появился отчаянный и такой желанный лучик надежды.

Старик улыбнулся, практически беззубой улыбкой.

— Давай сыграем, — он указал на доску.

Боргаф нахмурился и зашипел от боли в зашитой брови.

— Зачем? Может мы сразу приступим к тренировкам, которые вам помогли? — Борг не хотел терять время.

— Так этим мы сейчас и займемся, — старик сделал первый ход. — Это и есть тренировка, которая помогла мне. Надеюсь она поможет и тебе.

Борг неуверенно взялся за пешку и сделал встречный ход.

— Ты знал, что существует больше девяти миллионов возможных позиций, после трех ходов с каждой стороны? — сделав очередной ход, спросил старик. — После четырех, число растёт до двухсот восьмидесяти восьми миллиардов.

Боргаф безразлично пожал плечами.

— Я это знал, — сказал он, делая свой ход. — Это вы к чему?

— Представь, что сражение с человеком или монстром, это партия в шахматы. У вас есть «шахматные фигуры», которые вы передвигаете по доске. Ходы в шахматах обусловлены правилами доски, а ходы в сражении, ограничены физиологией и техникой. Есть практически безграничное количество ходов, но, необязательно видеть все исходы наперёд. Нужно видеть лишь дальше чем твой противник.

Боргаф склонил голову на бок. Ему никогда не приходило в голову, что сражение можно сравнить с шахматной партией.

— Это означает что в сражении можно руководствоваться не инстинктами, а интеллектом? — с надеждой спросил он.

Основная загвоздка состояла именно в этом. Стоя на ринге, он пытался анализировать происходящее и хоть как-то реагировать на выпады противника. Инструктор им говорил, что это невозможно сделать и нужно полагаться на чутьё, единение или инстинкты.

— Конечно возможно. Просто мы с тобой отличаемся от большинства инстинктивных бойцов и

не способны отдать всё на волю случая или инстинкта. Ты должен понять одну простую идею. Не нужно строить долгосрочный план в битве и заглядывать на много шагов вперед. Это в принципе невозможно. Все что тебе нужно, это видеть следующий шаг твоего противника.

— И как это сделать? — Боргаф был сбит с толку. — Если конечно не видеть будущего.

— Ты мне сказал, что изучил все приемы и техники в совершенстве. Это так?

— Да, — без тени бахвальства или стеснения ответил Борг.

— Значит ты должен понимать, что в каждом ударе мечом, ногой или в перемещении, задействовано все тело в целом. И каждый удар, начинается с чего-то. С движения руки или ноги, корпуса или плеча. По этим незначительным подсказкам, ты сможешь понять какую «карту вытянет из колоды» твой противник, в данный момент. Все что тебе нужно сделать, приготовить карту, которая побьёт его ход. Остальные бойцы, способны считывать эти сигналы неосознанно, то есть инстинктивно. Но для тебя, такой способ сражения неприемлем. Тебе нужно составить карту действий и противодействий.

С каждым сказанным словом старика, лицо Борга все больше прояснялось. Глаза стали наполняться блеском и предвкушением перед новым и таким любимым мозговым штурмом.

Еще несколько часов, Боргаф и старик играли в шахматы и обсуждали теорию сражений. Сказать, что Боргаф был окрылен, значит ни сказать ничего. Старик очень доходчиво показывал ему новый, недоступный другим путь, по которому он сможет пройти так далеко, насколько хватит его сил и интеллекта. А со вторым, проблем у него не было. Хоть он и не выиграл ни одной партии в шахматы у старика.

— Завтра приходи сюда, вместо тренировки, — поставив очередной мат Боргу, сказал старик. — и мы продолжим. Я что-то устал.

— А меня отпустят? — спросил скептически Борг, зная местные военные правила.

— Я договорюсь, — очень уверенно сказал старик.

От сгорбленной фигуры не осталось и следа. Даже боль в ребрах перестала доставлять Боргу дискомфорт. Он резво поднялся со стула.

— Огромное спасибо вам сэр! — искренне сказал Борг.

— Пока не за что, — сказал старик и пошаркал в свою каморку, которая находилась в оружейной.

— Сэр, совсем забыл спросить. Как вас зовут? — крикнул Боргаф в спину удаляющемуся старику.

— Хм, — старик не оборачиваясь почесал затылок, как будто вспоминая как его зовут.

— Зови меня наставник, — и почапал дальше.

Боргаф смотря в след удаляющемуся новоприобретенному наставнику, который был одет в замызанную и застиранную до дыр одежду, задавался вопросом.

— «Почему этот гений мысли, живет в каком-то подвале? Почему он не живет в самой роскошной комнате в этом долбанном городишке и не преподает самым высокоранговым

бойцам, теорию сражений?»

Для Борга это было большой загадкой. Судя по шрамам которые покрывали практически все тело наставника, было понятно, что у него была бурная молодость. И судя по его словам, он был одним из сильнейших воинов в стране.

— «Так почему, он пребывает в безвестности и забвении?»

Когда Боргаф ступил на темную винтовую лестницу, то, она больше не нагоняла на него безнадегу. А его шаги, были резвыми и жизнерадостными. Когда он снова оказался под лучами заходящего вечернего солнца, пробивающегося сквозь широкие окна первого этажа, то почувствовал себя обновленным и полным надежд.

Когда его глаза привыкли к довольно яркому свету, после подвального факела, он застыл как вкопанный. Боргаф выглядел как человек, первый раз увидевший дикое животное, на своем заднем дворе. Боясь сделать лишнее движение, он замер и пытался не спугнуть прекрасное видение, грациозной фигуры, в черной кадетской форме, которая сидела на ней просто идеально.

— «Это она!» — думал он смотря на прекрасную девушку, которую он увидел в свой первый день пребывания в общежитии.

Грациозная и довольно высокая блондинка, стояла облокотившись на стену и смотрела в окно. Ее прекрасные и изящные черты лица, подсвеченные красноватым светом заката, вызвали трепет в груди. Он не осознавая, сделал шаг вперед и шаркающий звук его ботинка, привлек внимание девушки.

Она повернулась к нему и склонила голову на бок. Ее пухлые нежные губы, разомкнулись.

— «Она сейчас заговорит!»

Боргаф уже вообразил, что ее голос и ее слова будут особенными, такими же прекрасными, как и ее внешность. Но, у жизни странное чувство юмора.

— Ты че уставился придурок?! Чего варезку раззявил?!

Неожиданно прозвучал голос, который Боргаф совсем не ожидал услышать. В его голове опять возник образ Халка в лифчике. Он стал оглядываться ища солдафоншу Софи. Но, к большому сожалению никого не обнаружил.

— Ты чего? По башке так сильно получил? — опять прозвучал такой знакомый до боли голос.

Боргаф смотрел на девушку, которая еще мгновение назад, была окутана ореолом таинственности, и изящества, которое заставляло Борга дышать через раз. Но как только она открыла рот, этот образ лопнул как мыльный пузырь. Очень сложно обожествлять девушку, если ты слышал, как во время смеха, она громко хрюкает. Или как после еды, она так громко отрыгивает, что аж больничные окна вибрируют.

Лицо Борга, за эти недолгие секунды, показало весь спектр эмоций. Как будто кто-то крутил регулятор мощности, от блаженного состояния, до сморщенной физиономии недовольства.

— Да ты шутишь? — расстроено прошептал Борг и пошел в ее направлении.

Когда девушка вспомнила что он видит ее впервые, она жеманно улыбнулась.

— Я же тебе говорила, что очень красива! — злорадно сказала девушка, пытаясь придать своему голосу как можно больше сексуальности.

Боргаф проходя мимо нее, походя бросил.

— Пойдем, страшила, — он был опечален как никогда.

Боргаф чувствовал себя так, как будто кто-то разбил его любимую фарфоровую вазу, которой было несколько тысяч лет.

Глаза девушки округлились, рот приоткрылся и от злости она врезала Борга по плечу.

— Ты сволочь! — сказала она.

Боргаф шел по коридорам общежития и потирал ушибленное место, но, на его лице блуждала довольная улыбка.

Они направились в соседний корпус, где содержался Сарделькин. За эту неделю Боргаф уже успел не на шутку соскучиться по своему псу. Когда их привели, туда где содержался ночной кошмар, сердце Борга чуть не вырвалось из груди от жалости. Сарделькин лежал в очень маленькой клетке, на бетонном полу. Голова лежала на лапках, а в глазах, собралась вселенская тоска и грусть.

— Вы что, охренели тут совсем! — не выдержал Борг и закричал на провожатого. — А ну быстро открывай!

Крики Борга не очень впечатлили провожатого, но, он без разговоров открыл клетку и Сарделькин подволакивая задние лапы, выбрался наружу. Боргаф мгновенно подхватил его на руки.

— Что с ним?! — встревоженно спросил Борг.

Мужчина пожал плечами.

— Крайняя степень истощения. Группа магов все это время, напитывала его маной, для того чтобы он восстановился. Но, не все так просто. Для того чтобы он пришел в форму, понадобится намного больше времени.

Боргаф прижал пса к груди и на него накатила волна стыда и самобичевания.

— Прости меня, — сказал Борг, глядя пса.

Ответом ему было грустное, — Хрю.

— И как ты тут один одинешенек был?

— Хрю.

Каждое хрю, заставляло сердце Борга обливаться кровью. После инцидента в комнате, привязанность Борга к псу, возросла многократно.

— Чего ты сюсюкаешься с этим монстром? — спросила Софи, стоящая неподалёку.

Боргаф ожег ее таким яростным взглядом, что она даже сделала один шаг назад.

— Не смей его так называть! — гневно. — Этот как ты говоришь «монстр», спас жизни тебе и еще тысячам горожанам этого поселения. Так что не смей называть его монстром или относиться с пренебрежением!

Гнев на лице Борга был самым настоящим. И видя такую злобу, Софи подняла руки вверх.

— Не надо так орать. Я поняла.

Еще раз просверлив дырки в провожатом и Софи, Боргаф направился обратно в общежитие. Софи смотрела ему вслед и слышала, как он что-то шепчет псу, а тот жалобно хрюкает в ответ.

— Кто бы мог подумать, — задумчиво сказала девушка и направилась за Боргом.

(От автора: Буду вам очень признателен, если вы нажмёте спасибо в конце главы и прочитав произведение, поставите ему лак с оценкой!)

<http://tl.rulate.ru/book/38395/825750>